

Н.В. Цейковец

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии

В статье исследуется зарождение и развитие понятия «экономическая безопасность». Дается обзор основных концептуальных подходов к обеспечению национальной экономической безопасности страны, характерных для США, Японии, Китая и России. Статья вводит понятия «хомоцентричная парадигма» и «дивитацентричная парадигма» для описания двух принципиально противоположных подходов к обеспечению национальной экономической безопасности. Анализ проводится по научным теориям и государственным стратегиям, что позволяет проследить параллели и обнаружить противоречия между ними. В работе показан эволюционный путь теорий экономической безопасности и выявлены ключевые факторы, которые оказывали влияние на научные исследования в этой области. В ходе исследования выявлены внутренние противоречия в ряде официальных государственных стратегий, касающихся экономических аспектов национальной безопасности. Результатом исследования является формирование целостного представления о господствующих концептуальных подходах к национальной экономической безопасности, что актуально при дальнейшей разработке оптимальных моделей ее обеспечения в тех или иных социально-экономических и политических условиях. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего научного анализа теоретических основ деятельности по обеспечению экономической безопасности государства.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, национальная безопасность, экономическая теория, государственная стратегия, военные расходы, защищенность, устойчивость, конкурентоспособность.*

Классификация JEL: A100, B000, F52, N40.

1. Введение

«Экономическая безопасность» является сравнительно новой категорией, вошедшей в научный оборот лишь в первой половине XX в., а ее макроэкономический аспект на общенациональном уровне стал рассматриваться лишь в 1970-х годах. Однако и к началу XXI в. экономической безопасности так и не удалось стать полноценной и самостоятельной дисциплиной. Это было вызвано как слишком значительным разбросом мнений исследователей, работавших в этой области, так и слабым разделением экономической безопасности и других направлений экономической науки, что создавало нечеткий переход из одной предметной области в другую, затрудняющий установление четких границ исследуемого объекта. И хотя широта разброса точек зрения имеет положительные стороны, но при переходе от теории к практике требуются менее разобщенные теоретические подходы, на

основе которых можно принимать конкретные решения. В результате на сегодняшний день область исследований под названием «экономическая безопасность» по-прежнему остается, скорей, собранием мнений отдельных исследователей, чем комплексом структурированных знаний и формализованных правил. Все это создает дополнительные сложности в научных исследованиях этого направления, так как они фактически не могут уверенно опираться на уже наработанные теории ввиду их значительной спорности, а зачастую – и чрезмерной ограниченности.

В рамках данной статьи делается попытка систематизировать *основные концептуальные подходы* к пониманию категории «экономическая безопасность», сформировавшиеся за недолгую историю существования этой категории как в академической среде, так и в правительственных кругах. Кроме того, в работе выявляются *основные факторы*, оказавшие влияние на развитие научных исследований в сфере экономической безопасности, которые, как показывает комплексное изучение данного вопроса, зачастую оказываются одинаковыми даже в научных направлениях, развивавшихся без тесного соприкосновения.

Анализ проводится отдельно для научных работ и официальных государственных документов, в результате чего удастся показать, что зачастую между теоретическими исследованиями и государственными доктринами в одной и той же стране существуют значительные различия, а ряд важнейших документов даже содержит внутренние противоречия в трактовке обеспечения национальной безопасности в экономической сфере.

2. Генезис понятия «экономическая безопасность»

«Экономическая безопасность» является относительно новым понятием, которое получило официальный статус лишь в конце XX в.: 17 декабря 1985 г. на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция под названием «Международная экономическая безопасность». Этот документ лишь обозначал позицию ООН в отношении того, что «общие усилия по созданию справедливых и взаимовыгодных международных экономических отношений способствовали бы экономическому благосостоянию каждого государства и установлению нового международного экономического порядка» (Международная экономическая безопасность, 1985). Однако именно в этом документе впервые было формально закреплено данное понятие, хотя он не отражал всего спектра концепций в этой области, которые на тот момент уже существовали.

Термин «экономическая безопасность» вошел в научный обиход за полвека до 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а отдельные экономические аспекты безопасности государства и общества некоторые исследователи анализировали много раньше. В частности, по мнению отдельных исследователей, хотя целенаправленная

и системная работа в обеспечении защиты национальной экономики началась только в XX в., но «...теоретическое осознание проблемы защиты национальной экономической безопасности произошло почти за столетие до образования Рузвельтовского Федерального комитета» (Латов, 2007, с. 16).

Исходя из этого, Ю.В. Латов выделил три основных подхода экономистов-теоретиков к пониманию главных угроз национальной экономической безопасности и методов борьбы с ними (Латов, 2007, с. 17):

- 1) камералистская концепция защиты внешнеэкономической безопасности (с середины XIX в.);
- 2) кейнсианская концепция защиты от внутренних макроэкономических угроз (со второй трети XX в.);
- 3) институциональная концепция защиты от административных барьеров (с конца XX в.).

Однако с точки зрения Ю.В. Латова, «теоретические концепции национальной экономической безопасности – это все базовые экономические концепции, посвященные выработке эффективной экономической политики национального государства» (Латов, 2007, с. 16), т.е. национальная экономическая безопасность трактуется достаточно широко, а фактически – как эффективная экономическая политика без выделения каких-либо специфических подходов и особых методологий анализа. Именно это позволяет отнести к данному направлению тех экономистов, которые целенаправленно им никогда не занимались и были причислены к рядам специалистов по экономической безопасности уже задним числом, тогда как отдельные научные исследования в сфере национальной экономической безопасности, в которых данная категория выделялась особо, стали появляться лишь во второй половине XX в., и их проводили другие ученые.

Вопрос об экономической безопасности как об особой категории был поднят лишь в 1930-е годы, а ряд ее аспектов на национальном уровне – лишь во второй половине XX в. Поэтому предшествующие исследования смежных тем, в строгом смысле, не могут быть отнесены к области экономической безопасности как таковой. Они относились к схожим предметным областям, но не имели специальной методологии анализа и не выделяли специфические аспекты данной темы.

Впервые понятие «экономическая безопасность» получило широкое признание в США при поиске путей выхода из Великой депрессии в 1930-е годы. Начиная с 1933 г. администрация Франклина Делано Рузвельта проводила экономическую политику, получившую название *Новый курс* (*New Deal*), цель которой состояла в выводе страны из масштабного экономического кризиса. В рамках Нового курса Рузвельт и создал специальный государственный орган – Комитет по экономической безопасности (Committee on Economic Security, CES).

Президентский Комитет по экономической безопасности был основан в июне 1934 г., перед ним была поставлена задача раз-

работать рекомендации, которые должны были повысить экономическую безопасность страны. За две недели до этого события президент Ф.Д. Рузвельт, выступая перед Конгрессом, пояснил, достижения каких именно результатов он ожидает от CES: «Я ищу рациональные средства, которые я могу рекомендовать, чтобы обеспечить безопасность сразу в отношении нескольких больших беспокоящих факторов в жизни, особенно тех, которые относятся к безработице и старости» (Social Security History..., 2015)¹. Никаких связей с силовыми аспектами государственной политики экономическая безопасность изначально не имела. Тем не менее со временем трактовка данного термина разделилась на два концептуальных направления, для понимания чего следует подробнее проанализировать это словосочетание.

Как отмечалось выше, термин зародился в США и был составлен из двух английских слов: *economic* и *security*. При этом понятие *security* может означать как безопасность, так и обеспечение (Definition of security in Oxford Dictionaries, 2012), т.е. выступать как в жестком смысле – защиты от угроз, так и в более мягком – фактора обеспечения чем-либо, например экономическими ресурсами. Кроме того, в современной научной литературе также встречается термин *economic safety*, однако в англоязычных источниках он фигурирует крайне редко, скорее как исключение, чем правило. В основном он встречается в английских переводах названий, аннотаций и ключевых слов русскоязычных статей и монографий, а также дипломов российских вузов.

Таким образом, экономическую безопасность можно понимать и как осуществляемую специальными мерами защищенность от угроз (обычно внешних), и как простую обеспеченность субъекта важными для него ресурсами. Трактовка *economic security* в смысле обеспеченности индивидуума жизненно важными ресурсами является более верной с исторической точки зрения, так как соответствует первоначальному значению, вложенному в этот термин кабинетом президента Рузвельта, но ввиду некоторых обстоятельств современная трактовка перешла в глобальную и агрессивную сферу понятия «национальная безопасность».

Вследствие того что после Второй мировой войны началась глобальная геополитическая конфронтация между СССР и США, а также их союзниками, затронувшая в том числе и экономическую сферу, понятие «экономическая безопасность» стало в значительной мере утрачивать свое первоначальное значение и все в большей степени становится одной из составных частей общенациональной, или государственной, безопасности. В результате этого изменились и следующие причинно-следственные связи.

Ранне исходным объектом экономической безопасности была защищенность конкретных индивидуумов. Защищенность государства рассматривалась лишь как следствие защищенности его граждан. В рамках же новой парадигмы, активно развивавшейся в условиях

¹ Здесь и далее цитаты даются в переводе автора статьи, а в сносках приводится фраза на языке оригинала. «...I am looking for a sound means which I can recommend to provide at once security against several of the great disturbing factors in life – especially those which relate to unemployment and old age».

холодной войны, защищенность государства вышла на первый план, а благополучие граждан стало считаться ее следствием, а не причиной. Ярким примером этого могут служить концепции экономической безопасности и экономических аспектов национальной безопасности США в период холодной войны, что будет подробно рассмотрено ниже.

Для обозначения этих глобальных подходов введем два понятия.

«Хомоцентричная парадигма» экономической безопасности (от лат. *homo* – человек, *centrum* – центр, средоточие) – парадигма, строящаяся на представлениях, что всеобщая экономическая безопасность начинается с обеспечения защищенности конкретного человека, а защищенность государства является следствием благополучия его граждан.

«Цивитацентричная парадигма» экономической безопасности (от лат. *civitas* – гражданское общество, государство, *centrum* – центр, средоточие) – парадигма, строящаяся на представлениях, что всеобщая экономическая безопасность начинается с обеспечения защищенности страны, а защищенность граждан является следствием благополучия их государства.

Фактически идея разделения на хомоцентризм и цивитацентризм является выражением противопоставления частных интересов индивидуума и общих интересов некой общности, в качестве которой может выступать гражданское общество или чаще – институт государства. Однако противопоставление осуществляется не в контексте приоритетности, а в контексте причины и следствия, т.е. решается не вопрос, что важнее и чем можно пренебречь, а что первично и обеспечивает другую категорию как следствие.

Как правило, в экономической политике государства присутствуют элементы обоих подходов, но имеется явный перекося в сторону одного из них. Доминирование хомоцентричной или цивитацентричной парадигм экономической безопасности может зависеть от общей государственной идеологии или исторических традиций. Смена доминанты возможна либо в случае идеологической трансформации, либо в ситуации резкого изменения конъюнктуры, например в случае крупномасштабного военного конфликта, в условиях которого вводятся дополнительные военные налоги.

Тем не менее долгое время «экономическая безопасность» оставалась не до конца признанной категорией, уже существовавшей как учитываемый аспект в экономических отношениях, но не получавшей теоретического описания со стороны представителей научного сообщества. Активные академические исследования в этом направлении начались лишь в начале 1970-х годов, а толчком к этому стал в те годы глобальный кризис.

Таким образом, можно проследить характерный признак становления концепций экономической безопасности, он заключа-

ется в том, что толчками к развитию этого направления экономики стабильно являлись кризисы: сначала Великая депрессия, а потом – нефтяной кризис 1973 г.

В целом, анализируя экономическую безопасность, следует выделить два подхода, а именно: академический – научного сообщества и официальный – правительственных структур. Поскольку понимание сути экономической безопасности в рамках этих подходов отличается довольно значительно, имеет смысл рассматривать их отдельно.

3. Эволюция теоретического понимания экономической безопасности

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению научных подходов к пониманию экономической безопасности, важно уточнить некоторые термины. Дело в том, что существуют определенные различия в интерпретации словосочетания «экономическая безопасность» у западных и российских ученых. В частности, «...понятие *economic security* в англоязычных странах до сих пор используется преимущественно в этом первоначальном смысле – как защищенность частных лиц и домохозяйств от резкого ухудшения финансового положения. В масштабах государства принято говорить, скорее, об экономических аспектах национальной или международной безопасности» (Фомин, 2010, с. 119). Кроме того, «западные ученые более узко и конкретно понимают термин «безопасность» государства, они видят в нем прежде всего защищенность от внешних угроз, особенно от злонамеренных действий каких-либо противников или соперников» (там же). В этом проявляется упомянутая ранее двойственность трактовки термина *economic security*.

К сожалению, в русскоязычном научном сообществе (как и у азиатских ученых) подобного явного разделения не произошло, поэтому зачастую под экономической безопасностью разные исследователи понимают практически диаметрально противоположные явления, существующие в разных парадигмах. В результате российская научная школа экономической безопасности располагает намного более разнообразными концепциями, но и большим их смешением, так как все они идут под одним заголовком.

В 1970–1980-е годы в результате глобального противостояния мировых сверхдержав основным вопросом, в контексте которого и изучалась национальная экономическая безопасность, было оптимальное соотношение между расходами на оборону и общей эффективностью национальной экономики.

На закате холодной войны Джакомо Лучиани (Giaco­mo Luciani) проанализировал экономическое содержание понятия «безопасность», т.е. того, в какой степени она определяется экономическими переменными. Он выделил несколько общих проблем, возникших при попытке выявить точки пересечения между экономикой

и национальной безопасностью. В результате анализа нескольких подходов и моделей Дж. Лучиани также приходит к общему выводу, который формулирует так: «...существует исконное противостояние между экономической рациональностью и требованиями безопасности» (Luciani, 1988, p. 161)².

Однако еще в 1970-е годы Ч.Л. Шульц (Ch.L. Schultze) выдвинул соображение, что данная зависимость не работает в обе стороны, по крайней мере в отношении США: «Наша военная мощь не зависит в сколько-нибудь значительной степени от размеров или темпов роста нашей экономики, по крайней мере в пределах диапазона изменений, которые могут происходить в обозримом будущем. Однако уровень и скорость роста национального дохода и занятости коренным образом зависят от поддержания тяжелых военных расходов» (Schultze, 1973, p. 523)³. В результате он ратовал за привязку военных расходов к экономическому росту через фиксированные пропорциональные доли.

Таким образом, в среде американских экономистов в 1970–1980-е годы благополучие граждан противопоставляется военному благополучию государства, т.е. экономическая безопасность человека и домохозяйства до определенной степени находится в обратной зависимости от экономических аспектов национальной безопасности. Фактически наблюдается одновременное существование как хомотцентричной, так и цивитацентричной парадигм, которые находятся в перманентном противостоянии на уровне всей государственной экономической политики. Пожалуй, это – наиболее яркий пример одновременного существования обеих парадигм.

Тем не менее окончание холодной войны приводит к пересмотру ряда концепций в области экономической безопасности, преобладавших на протяжении двух предшествовавших десятилетий. В частности, британский экономист Винсент Кейбл (Vincent Cable) в середине 1990-х годов публикует работу, в которой полемизирует со сторонниками идей геоэкономики (geo-economics), базирующихся на конфронтационной модели международной экономической деятельности, представляющей собой игру с нулевой суммой (Cable, 1995, p. 312). Оптимальным путем обеспечения экономической безопасности В. Кейбл считает взаимовыгодное международное сотрудничество и свободные рынки, а не подавление оппонентов и стремление к самодостаточности народного хозяйства.

В 1990-е годы западная научная мысль начинает понимать экономическую защищенность государства прежде всего как получение страной достойного места в глобальных экономических отношениях. Конфронтационная стратегия сменяется кооперативной, так как с распадом СССР уходит необходимость повышенной мобилизации

² «A perennial tension exists between economic rationality and security requirements».

³ «Our military strength does not depend, to any significant degree, on the size or rate of growth in our economy, at least within the range of variation which is likely to occur in the foreseeable future. Conversely, the level and the rate of growth of national income and employment are in no fundamental way dependent on the maintenance of heavy military spending».

вооруженных сил, и на первый план вместо военных стимулов выходят только экономические.

Также имеет смысл упомянуть американского экономиста Джонатана Киршнера (Jonathan Kirshner), так как он один из немногих известных западных специалистов, который в своих исследованиях в данной области к экономическим компонентам национальной безопасности отнес и внутренние факторы. Он вводит такую категорию, как *национальная жизнеспособность* (*national vitality*) (Kirshner, 1998, p. 78), отражающую способность общества целеустремленно и эффективно решать проблемы, причем в его концепции главным образом социально-экономические проблемы, а не военные или политические. Кроме того, он также обращает внимание на то, что с завершением холодной войны для установления внешнеэкономических связей следует отказаться от разделения предметных полей национальной безопасности и экономической политики: «В современной теории международных отношений существует принципиальное различие между исследованиями в области международной экономической политики и безопасности. Однако это во многом ложное различие, оно является продуктом своеобразных условий, связанных с холодной войной, и все больше становится анахронизмом в эпоху после холодной войны» (Kirshner, 1998, p. 64)⁴. Иными словами, Киршнер, наконец, снимает характерное для США острое противоречие между хомоцентричной и цивилизационной парадигмами, утверждая, что благополучие государства может достигаться мерами, не вступающими в конфликт с целями экономической политики, направленной на повышение уровня жизни населения.

Однако стоит отметить, что идеи включения внутренних факторов в сферу национальной экономической безопасности так и не получили широкого распространения в среде западных исследователей, которые, как правило, сосредотачиваются лишь на внешних угрозах. Пусть со временем угрозы перестали быть только военными, но все равно у большинства исследователей они остаются экзогенными.

Понимание экономической безопасности восточными учеными серьезно отличается от представлений западных исследователей. Следует отметить, что если в этих странах и ведутся активные исследования в этой области, то за их пределами они, как правило, известны мало. По крайней мере по этой теме у азиатских экономистов публикаций на основных языках международного научного общения не так много, как у западных.

Японские исследователи в основном сосредотачиваются на прикладных аспектах экономической безопасности, трактуя ее как обеспечение стабильных поставок ресурсов. Акао Нобутоси в своей известной работе (Nobutoshi, 1983) трактует данную категорию с привлечением ряда продуктов питания, топлива и минеральных материалов. Громадное значение уделяется энергетическим ресурсам, безопас-

⁴ «In contemporary International Relations theory, there exists a sharp distinction between international political economy and security studies. This is largely a false distinction, however, a product of peculiar circumstances associated with the cold war, and one which is becoming increasingly anachronistic in the post-cold war era».

ности поставок минеральных ресурсов и продуктов питания, а также поднимается вопрос о стратегических партнерах, которые могли бы их поставлять, в качестве которых рассматриваются Россия (в частности Сибирь) и Китай. В конце также поднимается вопрос взаимоотношений с США, Канадой и Австралией (May, 1984).

Японские экономисты озабочены только практическими проблемами, преимущественно безопасностью поставок тех ресурсов, которые крайне важны для функционирования их экономики, но которые отсутствуют внутри страны. Такие общие проблемы, как, например, воздействие военных расходов на экономический рост, в японской научной мысли непопулярны, что, впрочем, вполне объяснимо ввиду тех ограничений объемов военных расходов, которые были закреплены в конституции Японии после Второй мировой войны. Однако в последние годы японское правительство активно наращивает военный бюджет, поэтому в обозримом будущем акценты научных исследований вполне могут измениться.

Китайский экономист Цзян Юн (Jiang Yong), рассуждая о дискуссиях вокруг способов измерения экономической безопасности страны, отмечает, что понимание уровня защищенности и рисков будет различным в зависимости от уровня развития национальной экономики. В частности, он определяет экономическую безопасность развивающихся стран как «...способность обеспечить устойчивый рост уровня жизни для всего населения через развитие национальной экономики при поддержании экономической независимости. Другими словами, у экономической безопасности существует две стороны медали: конкурентоспособность и независимый экономический суверенитет» (Jiang, 2007b, p. 66)⁵. Стоит заметить, что Цзян Юн уделяет большое внимание именно экономическому суверенитету, указывая на значительные риски для китайской экономики со стороны иностранного капитала и гегемонии транснациональных корпораций, способных взять под контроль ключевые отрасли народного хозяйства.

В другой своей работе этот же китайский специалист также ставит вопрос о необходимости обеспечения безопасности в финансовой сфере, так как излишняя интегрированность в систему глобальных финансов влечет за собой перенос в национальную экономику турбулентности международных рынков. В результате он призывает к более жесткому надзору над операциями китайских банков на внешнем рынке (Jiang, 2007a, p. 46). Таким образом, научная мысль в сфере экономической безопасности в основном сфокусирована на вопросах экономического суверенитета и защищенности от глобальных рисков, имея оттенок умеренного изоляционизма, что в корне противоречит западному подходу, который, наоборот, предполагает прежде всего ориентацию на наращивание внешнеэкономических связей, хотя полностью и не исключая протекционизм для стратегически важных отраслей.

⁵ «...the ability to provide a steady increase in the standard of living for the whole population through national economic development while maintaining economic independence. In other words, there are two sides to the economic security «coin»: competitiveness and independent economic sovereignty».

В целом китайское понимание национальной экономической безопасности основывается не на доминировании, а на защите от чужого доминирования. В качестве ключевых факторов, обеспечивающих экономическую безопасность, помимо общего суверенитета, также называются стабильные поставки ресурсов, контроль над внутренними противоречиями, конкурентоспособность собственных товаров и способность противостоять экономическим потрясениям в мире (Time to Revise..., 2008).

Важно отметить, что китайские исследователи упоминают проблему внутренних экономических и социальных противоречий лишь вскользь и глубоко данный аспект не раскрывают. В целом же их концепции имеют строго цивилизационный характер, а зачастую они вообще прямо отвергают способность граждан осознанно выбирать оптимальный вариант развития: «Введенные в заблуждение экономическим процветанием в течение некоторого времени, многие в рядах китайской интеллигенции слабо понимают суть международной конкуренции и кризисов» (Time to Revise..., 2008)⁶.

В российской науке большой популярностью пользуются темы, связанные с экономической безопасностью, к которым в разное время обращались многие авторы, в том числе те, для которых это не было основной областью научных интересов, причем считается, что «российские концепции экономической безопасности за редким исключением развивались абсолютно независимо от западных» (Фомин, 2010, с. 126).

Тем не менее, подтверждая отмеченную выше закономерность о свойстве кризисов служить толчками для развития теории экономической безопасности, интерес к данному направлению исследований у российского научного сообщества проявился лишь в период 1990-х годов, ставший одним из тяжелейших периодов современной России. Это вполне объяснимо, так как ни Великая депрессия в 1930-е, ни нефтяной кризис в 1970-е годы не оказали серьезного негативного влияния на экономику СССР, скорей даже наоборот. Поэтому первый пик академического интереса к теме экономической безопасности в России пришелся уже на 1990-е годы.

Проблематика экономической безопасности поднималась еще в советский период, но в тот момент она не являлась широко признанной научной категорией и была объектом рассмотрения скорей правительственных и военных чиновников, чем ученых. В то время экономическая безопасность трактовалась в военном контексте как «...обеспечение жизнеспособности советской экономики в условиях холодной войны», а применительно к мирному времени – как «...обеспечение выживаемости страны в случае стихийных бедствий и экологических катастроф, либо в условиях национальных и мировых экономических катастроф» (Латов, 2006).

Согласно устоявшемуся мнению академического сообщества (Козлова, 2009, с. 14), *первой российской научной публикацией по теме*

⁶ «Misled by economic prosperity over some time, many in the Chinese intelligentsia harbor a weak understanding of international competition and crises».

экономической безопасности была работа (Абалкин, 1994). Однако стоит отметить, что основная тема всего номера журнала «Вопросы экономики» была сформулирована так: «Проблемы экономической безопасности» – и выпуск содержал 12 научных работ по этой тематике, сгруппированных по трем разделам: «Теория вопроса», «Прикладные аспекты экономической безопасности» и «К разработке государственной стратегии обеспечения экономической безопасности России» (Проблемы экономической безопасности, 1994). Существует мнение, что этот интеллектуальный штурм был предпринят по очевидному согласованию с властями, поскольку уже в начале 1995 г. Совет безопасности России принял «Основные положения государственной стратегии в области обеспечения экономической безопасности» (Фомин, 2010, с. 126). Оставляя за рамками анализ возможных скрытых мотивов, отметим, что с середины 1990-х годов, действительно, начинается активная работа научного сообщества в области экономической безопасности, которая также сопровождается и принятием ряда официальных документов, в частности «Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации в 1996 г.».

Дать исчерпывающий обзор существующим подходам к экономической безопасности у российских исследователей, ввиду их многочисленности и зачастую слабой сопоставимости по характеристикам и объектам, практически невозможно. Тем не менее отдельные авторы предпринимали попытки систематизировать и провести сравнительный анализ подходов наиболее авторитетных отечественных исследователей в этой области. В частности, А.А. Ананьев выделил следующие подходы к определению сущности понятия «экономическая безопасность» в российской научной литературе:

- 1) общее состояние экономической системы;
- 2) состояние устойчивости экономической системы;
- 3) состояние защищенности экономической системы;
- 4) сочетание факторов и условий, обеспечивающих способность национальной экономики к развитию;
- 5) сочетание состояния экономики и иных категорий (Ананьев, 2011, с. 22).

В рамках подхода через общее состояние экономической системы такие исследователи, как А.Н. Азрилиян, Г.С. Вечканов, Н.В. Никифорова, В.К. Сенчагов, пытаются максимально широко подойти к понятию национальной экономической безопасности и через него объединить наибольшее число свойств, характеризующих устойчивую, конкурентоспособную и стабильно развивающуюся национальную экономику. Фактически это направление в наибольшей степени близко к общей экономической политике, а также, пожалуй, является доминирующим в современных исследованиях по теме экономической безопасности.

В рамках подходов через состояния устойчивости и защищенности такие исследователи, как С.А. Афонцев, В.И. Дуженков, В.В. Михайличенко, в большей степени фокусируются на вопросах нейтрализации угроз стабильности национальной экономике, поэтому эти подходы характеризует меньший уровень комплексности и их можно отнести к предметным исследованиям конкретных отраслевых направлений.

В рамках подходов через совокупность факторов и условий, обеспечивающих способность национальной экономики к развитию, и сочетание состояния экономической системы и иных категорий такие исследователи, как Л.И. Абалкин, Т.Д. Ромашенко, Е.А. Олейников, исходят из ряда характеристик, не имеющих строгой формализации в экономической науке, что во многом затрудняет разработку конкретных мер государственной политики на их базе.

Тем не менее попытки построения подобных комплексных теорий национальной экономической безопасности преимущественно относятся ко второй половине 1990 – началу 2000-х годов. Именно в тот период предпринимались серьезные попытки дать общее определение экономической безопасности страны и увязать его с традиционной экономической теорией и экономической политикой. Среди более поздних исследований можно выделить два основных направления, по которым пошло наибольшее число специалистов. Одни, вероятно, признав старания предшественников недостаточно результативными, предпринимали попытки раскрыть сущность экономической безопасности через другие отрасли экономической науки, в частности через институциональную теорию или через организационную культуру. Другие, вероятно, сочтя неоправданным чрезмерное распыление, сосредоточились на рассмотрении *отдельных аспектов национальной экономической безопасности*, что породило множество работ о продовольственной безопасности, экономической безопасности регионов, теневой экономике, финансовой безопасности и другим более узким направлениям.

Исследования первой категории получили меньшее признание, чем работы первой волны, так как они не вносили больше ясности и, наоборот, отличались менее структурированным подходом, который был еще менее применим в практической экономической политике. Исследования второй категории из-за ориентации в основном на прикладные аспекты оказались более востребованными на практике, так как содержали конкретные методики анализа. Однако в связи с этим возникла проблема распада теории экономической безопасности на обособленные направления, что затрудняло выработку основ общей экономической политики государства.

Тем не менее параллельно с этим развивался и более строго формализованный индикативный подход к пониманию экономической безопасности, в рамках которого исследователи сосредотачивались

на конкретных показателях безопасности национальной экономики, а не просто ограничивались созданием некоего абстрактного понятийного аппарата. Именно индикативный подход в значительной степени привлек внимание государственных структур, так как потенциально мог предоставить конкретные методики анализа и разработки экономической политики. Общий подход через показатели (индикаторы) экономической безопасности даже нашел отражение в государственных стратегиях, в частности в Государственной стратегии экономической безопасности 1996 г. и нескольких редакциях Стратегии национальной безопасности, а также две системы таких индикаторов были официально утверждены на уровне Совета безопасности Российской Федерации в 1996 и 2000 г.

Первая индикативная система оценки экономической безопасности по 22 показателям была разработана по поручению секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебеда и утверждена в 1996 г. Ее автором стал академик С.Ю. Глазьев, являвшийся на тот момент начальником Управления экономической безопасности в Совете безопасности РФ (Голков, 2009, с. 45). Позднее Секцией экономической и социальной безопасности Научного совета при Совете безопасности РФ на базе работ Центра финансово-банковских исследований Института экономики РАН был одобрен список и пороговые значения 19 показателей, которые и составили новую индикативную систему (Сенчагов, 2008, с. 36). Одним из основных создателей новой системы был В.К. Сенчагов, под чьей редакцией в начале 2000-х годов также вышел широко известный учебник по экономической безопасности (Экономическая безопасность России, 2005), ставший серьезной попыткой превратить этот предмет в полноценную учебную дисциплину.

С тех пор в научных работах активно используются как непосредственно сами индикативные системы Глазьева и Сенчагова, так и некие производные от них, которые предлагают различные авторы, зачастую просто компилирующие предельные критические показатели, предложенные ранее этими двумя исследователями. Тем не менее со временем предложенные ими значения показателей экономической безопасности устаревали, поэтому в работах (Сенчагов, 2010, с. 39; Глазьев, Локосов, 2012) были предложены обновленные системы, учитывающие произошедшие в российской экономике изменения. Однако на уровне структур Совета безопасности РФ данные методики оценки уже не утверждались (по крайней мере в открытых источниках такая информация отсутствует).

К сожалению, несмотря на достаточно широкую популярность индикативного подхода и его потенциальную перспективность, данная методология до сих пор вызывает достаточно много дискуссий, обусловленных отсутствием глубокого теоретического обоснования устанавливаемых предельных критических показателей, поэтому это

направление так и не смогло стать главным, хотя и получило широкое признание, в том числе на государственном уровне.

Таким образом, обращает на себя внимание сильный разброс в подходах российских ученых к пониманию сущности экономической безопасности. Безусловно, разнообразием теорий и концепций отечественные экономисты в значительной степени превосходят своих западных и восточных коллег. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что большое число таких концепций так и не достигло хорошего качества и до сих пор научная мысль не сумела сформулировать концепции, способные вывести понимание сущности экономической безопасности на качественно новый уровень, позволяющий с ее помощью более эффективно решать возникающие проблемы.

Подводя общий итог обзору научных теорий, можно выделить несколько глобальных концептуальных подходов к пониманию экономической безопасности.

1. Англосаксонский, развивающийся преимущественно американскими и британскими учеными и характеризующийся строгим разделением экономической безопасности на финансовую обеспеченность гражданина и экономические аспекты национальной безопасности. Это – самый старый подход, который разрабатывался еще с 1970-х годов, но, несмотря на это, едва ли опережающий сегодня более молодые концепции. В период холодной войны безопасность гражданина и государства сосуществовали и находились в постоянном противоречии (необходимость военных расходов, обеспечивающих безопасность страны, но одновременно снижающих благосостояние населения), но с началом 1990-х годов конфликт между хомоцентричной и цивилизационной парадигмами стал ослабевать и исследователи стали больше склоняться в пользу хомоцентризма, хотя (ввиду продолжающегося разделения экономической безопасности на защищенность индивидуума и страны) полной определенности в данном вопросе так до сих пор и не достигнуто. Именно национальная экономическая безопасность здесь понимается как экономическое доминирование на внешних рынках за счет более мощного хозяйственного потенциала развитых западных стран.

2. Азиатский, разрабатываемый представителями крупных азиатских экономик и склоняющийся преимущественно в сторону цивилизационной парадигмы. Подход сосредотачивается в большей степени на защите народного хозяйства от неблагоприятных воздействий извне. Национальная экономическая безопасность в его рамках понимается как обеспечение безопасности поставок или экономической суверенитет.

3. Российский, сформировавшийся под влиянием исследований экономистов, анализировавших деструктивные процессы в экономике РФ и некоторых постсоветских стран, начиная с середины 1990-х годов. Подход характеризуется наиболее разнообразным спектром

идей, в результате чего обобщить основные концепции российских экономистов не представляется возможным. Фундаментальное отличие от двух других подходов состоит в подробном рассмотрении как внешних, так и внутренних факторов, обуславливающих экономическую безопасность, например таких как теневая экономика, которую западные исследователи не относят напрямую к предмету рассмотрения экономической безопасности.

4. Место и роль экономической безопасности в государственной политике

Параллельно с развитием научных теорий в области национальной экономической безопасности развивались и государственные стратегии, причем их анализ зачастую показывает, что в реальности позиции государства в области экономической безопасности плохо вписываются в формулируемые академическим сообществом рамочные концепции. К тому же у отдельных государств официальные стратегии намного более жестко и конкретно описывают приоритеты в области защиты национальных интересов, чем местное академическое сообщество. Для обзора практической государственной политики в области экономической безопасности обратимся к такому источнику, как официальные стратегии безопасности, являющиеся некой квинтэссенцией тех взглядов, которых по этому вопросу придерживаются правительства различных стран.

Одним из наиболее показательных документов такого рода является «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» (The National Security Strategy of the United States of America). В версии от 2006 г., принятой администрацией Джорджа Буша, экономические аспекты национальной безопасности заключаются в обеспечении экономического роста посредством свободных рынков и свободной торговли (The National Security..., 2006, p. 25). В документе выделяется три основных условия на пути достижения поставленных целей: открытость внешних рынков, энергетическая независимость и стабильность финансовой системы.

Одной из наивысших ценностей провозглашается экономическая свобода (The National Security..., 2006, p. 27). Вместе с тем текст стратегии прямо признает взаимосвязь экономики и политики, когда речь заходит о потенциальных возможностях стимулирования политических реформ и экономического подавления власти отдельных правителей: «Диверсификация источников энергии также поможет облегчить “нефтяное проклятье” – склонность нефтяных доходов усиливать коррупцию и препятствовать экономическому росту и политическим реформам в некоторых нефтедобывающих государствах... Диверсификация поставщиков в пределах регионов и между регионами снижает возможности коррупции и ослабляет рычаги безответственных правителей» (The National Security..., 2006, p. 29)⁷.

⁷ «Diversification of energy sources also will help alleviate the “petroleum curse” – the tendency for oil revenues to foster corruption and prevent economic growth and political reform in some oil-producing states... Diversifying the suppliers within and across regions reduces opportunities for corruption and diminishes the leverage of irresponsible rulers».

Версия 2010 г., принятая администрацией Барака Обамы, уже не столь радикальна и в большей степени ориентирована на сотрудничество и совместные усилия по преодолению кризисных процессов. Однако наиболее примечательно, что в документе наконец-то обращается внимание на внутренние проблемы. Внешние угрозы традиционно также находят отражение, но уже не так акцентируются (National Security Strategy, 2010, p. 28–29).

По-прежнему речь идет об открытости глобальной экономики, но также отмечаются и некоторые социально-экономические проблемы, проявившиеся после кризиса 2008–2009 гг. В целом это является отражением смены общих политических ориентиров при переходе власти от республиканца Буша к демократу Обаме, который намного больше внимания уделяет именно социальным вопросам.

Впрочем, в «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной в 2015 г. и также принятой администрацией Барака Обамы, происходит возврат к агрессивной внешнеполитической риторике времен Дж. Буша, что вполне можно было ожидать ввиду глобальных геополитических событий 2014 г., в которых меры экономической агрессии сыграли не последнюю роль. В самом начале документа прямо заявляется об экономике как инструменте внешнеполитического влияния: «...растущая экономическая мощь Америки является основой нашей национальной безопасности и важнейшим источником нашего влияния за рубежом» (National Security Strategy, 2015, p. i)⁸, а среди глобальных угроз безопасности, наравне с кибернетическими, климатическими и инфекционными угрозами, прямо указана Россия: «Эскалация проблем кибербезопасности, агрессия со стороны России, ускоряющиеся последствия изменения климата и вспышка инфекционных заболеваний – все это приводит к обеспокоенности в отношении глобальной безопасности» (National Security Strategy, 2015, p. i)⁹.

В экономическом разделе документа на этот раз последовательно рассматриваются такие вопросы, как построение фундамента экономического роста, укрепление энергетической безопасности, лидерство США в науке, технологиях и инновациях, формирование мирового экономического порядка, борьба с крайней бедностью. Особо можно выделить, что в этом документе в очередной раз декларируется необходимость наращивания экспорта американских товаров: «В дополнение к обеспечению наших прямых экономических интересов мы обязаны поддерживать всеобъемлющий экономический рост, который создает спрос на американский экспорт» (National Security Strategy, 2015, p. 16)¹⁰, – а также необходимость открытости рынков для обеспечения национальной экономической безопасности США: «Соединенные Штаты имеют одну из самых открытых эконо-

⁸ «America's growing economic strength is the foundation of our national security and a critical source of our influence abroad».

⁹ «Escalating challenges to cybersecurity, aggression by Russia, the accelerating impacts of climate change, and the outbreak of infectious diseases all give rise to anxieties about global security».

¹⁰ «In addition to securing our immediate economic interests, we must drive the inclusive economic growth that creates demand for American exports».

мик в мире. Наши тарифы низкие, и мы не используем дискриминационные меры регулирования в отношении иностранных товаров. В то же время по всему миру это не так, поэтому наша торговая повестка дня ориентирована на снижение пошлин на американские продукты, ломая барьеры на пути наших товаров и услуг, и установление более высоких стандартов, чтобы уравнивать условия для американских рабочих и фирм» (National Security Strategy, 2015, p. 17)¹¹. Впрочем, следует отметить, что вопросы повышения благосостояния населения, в том числе за счет социальных программ, в стратегии 2015 г. не были забыты и также нашли широкое отражение, как и в стратегии 2010 г.

Япония была одной из первых стран, где вопросы национальной экономической безопасности были подняты на правительственном уровне. Еще в начале 1980-х годов японское Министерство внешней торговли и промышленности подготовило соответствующий доклад. Согласно обзору, сделанному А. Михайленко, экономическая безопасность трактуется в данном документе как «состояние экономики, при котором она защищена прежде всего экономическими средствами от серьезных угроз ее безопасности, возникающих под воздействием международных факторов» (цит. по: (Фомин, 2010, с. 124)). В качестве таких факторов назывались обеспеченность энергетическими, минеральными и продовольственными ресурсами и безопасность транспортных путей; внутренние угрозы, традиционно для зарубежных концепций, не рассматривались.

Однако с распадом СССР доктрина безопасности, базирующаяся на высокой мобилизации сил к отражению внешних угроз, себя исчерпала. Кроме того, в период с 1991 по 1996 г. в японском правительстве сменилось четыре премьер-министра, которые к тому же были представителями четырех разных политических партий. В результате целостность концепции национальной безопасности до определенной степени была утрачена, а на замену пришла примерная копия американских стратегий. Ярким примером такого копирования стала так называемая доктрина Кайфу, основанная на американской доктрине нового мирового порядка Дж. Буша (Доктрины национальной безопасности США, Франции и Японии, 2000).

Политику Китая в сфере национальной безопасности можно проследить по так называемой «Белой книге по вопросам обороны». В данном документе, помимо политических и военных аспектов, рассматриваются и экономические. В редакции «Белой книги...» от апреля 2013 г. заметен существенный идеологический сдвиг в сторону более явного обозначения потенциальных противников и угроз, причем не только военных, но и экономических. «К интересам, которые могут оказаться под угрозой, отнесены источники сырья и энергоресурсов, стратегические морские линии коммуникаций, права китайских граждан и организаций за рубежом» (Кашин, 2013).

¹¹ «The United States has one of the most open economies in the world. Our tariffs are low, and we do not use regulation to discriminate against foreign goods. The same is not true throughout the world, which is why our trade agenda is focused on lowering tariffs on American products, breaking down barriers to our goods and services, and setting higher standards to level the playing field for American workers and firms».

Редакция документа, опубликованная в мае 2015 г., продолжает линию на провозглашение глобальных интересов. Примечательно, что китайцы, согласно Белой книге 2015 г., в обозримом будущем не претендуют на технологическое лидерство, изначально признавая и исходя из того, что «...в Третьей мировой войне (когда бы она ни случилась и кто бы ее ни начал) они будут воевать против технологически более оснащенного и продвинутого противника. И устранить это технологическое отставание в течение всего XXI века им не удастся» (Крутиков, 2015).

В целом можно отметить, что китайская концепция по-прежнему сохраняет аспекты безопасности поставок, но также начинает поднимать вопрос национальных экономических интересов за пределами государственных границ, что, пожалуй, можно трактовать как осознание КНР себя как международного лидера.

В Российской Федерации можно указать на два основных доктринальных документа, играющих важную роль в формулировании концепций и обеспечении национальной безопасности: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» и «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации».

В определенные периоды времени существовали и другие документы, например Концепция национальной безопасности с 1997 по 2009 г. (в двух редакциях), но на момент написания данной статьи сохраняют актуальность именно эти два документа, хотя также существуют и другие, где также затрагиваются экономические аспекты национальной безопасности, но, как правило, опосредовано и через призму основной тематики документа, например «Концепция общественной безопасности», «Военная доктрина» и прочие.

«Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации» была одобрена Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 и согласно тексту «является составной частью национальной безопасности Российской Федерации в целом и ориентирована на реализацию осуществляемых в Российской Федерации экономических преобразований в ближайшие три–пять лет» (Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, 1996, часть I), т.е. до 1999–2001 гг. Однако данный документ до сих пор не утратил актуальности: как юридически (согласно данным сайта Совета безопасности РФ), так и содержательно. Тем не менее в начале декабря 2015 г. в Совете безопасности РФ состоялось два заседания, на которых были рассмотрены концептуальные подходы к разработке «Стратегии экономической безопасности», т.е. спустя почти 20 лет российское правительство вернулось к идее разработки самостоятельного стратегического документа в сфере экономической безопасности, не довольствуясь только экономическим разделом общей «Стратегии национальной безопасности». Однако некоторые концепции, закладываемые в новую стратегию, представ-

ляются устаревшими и противоречащими другим ранее принятым документам.

В частности, 1 декабря 2015 г. на заседании секции научного совета при Совете безопасности РФ в ходе обсуждения концептуальных подходов к разработке «Стратегии экономической безопасности» было отмечено, что «экономика и экономические интересы государства, общества, граждан становятся главной мишенью в сфере глобальной конкуренции» (Концептуальные подходы..., 2015). Здесь в очередной раз используется понятие «триада безопасности» – «личность, общество, государство», заимствованное из теории полиции, корректность которой в рамках экономической безопасности на современном этапе подвергается критике со стороны научного сообщества: «Понимание безопасности через защищенность личности, общества и государства произрастает еще из XIX в., когда под безопасностью понималось простое поддержание общественного порядка и обороноспособность страны. Сфера же экономических угроз намного более сложная и многогранная, поэтому использование данной триады в контексте экономической безопасности в современных условиях представляется неуместным» (Цейковец, 2015, с. 38). Более того, данная триада содержалась в Законе «О безопасности» 1992 г. РФ № 2446-I (Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I, ст. 1), а вот в новый Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности» 2010 г. она уже в явном виде не вошла. Иными словами, проект «Стратегии экономической безопасности» концептуально расходится с базовым федеральным законодательством РФ.

Однако новая «Стратегия экономической безопасности» на момент написания данной статьи находится на стадии разработки, этот процесс координирует Министерство экономического развития РФ. В итоге основным документом, где сформулированы концептуальные подходы в сфере экономической безопасности, на текущем этапе является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» в редакции от 31 декабря 2015 г.

Согласно данной стратегии в экономической сфере национальными интересами на долгосрочную перспективу являются «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны... повышение конкурентоспособности национальной экономики» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть III, ст. 32). Обеспечение этих интересов осуществляется путем реализации таких стратегических национальных приоритетов экономического характера, как повышение качества жизни российских граждан и экономический рост (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть III, ст. 33).

К стратегическим целям в сфере повышения качества жизни относится «развитие человеческого потенциала, удовлетворение

материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть IV, ст. 50), а в сфере экономического роста – «развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть IV, ст. 55).

Здесь же следует отметить, что экономический рост трактуется как зона ответственности государства, подразумевающая активное протекционистское регулирование в монетарной и производственной сферах: «Важнейшими факторами обеспечения экономической безопасности являются повышение эффективности государственного регулирования экономики в целях достижения устойчивого экономического роста, повышение производительности труда, освоение новых ресурсных источников, стабильность функционирования и развития финансовой системы, повышение ее защищенности, валютное регулирование и контроль, накопление финансовых резервов, сохранение финансовой стабильности, сбалансированности бюджетной системы, совершенствование межбюджетных отношений, преодоление оттока капитала и квалифицированных специалистов, увеличение объема внутренних сбережений и их трансформация в инвестиции, снижение инфляции» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть IV, ст. 58). Стоит отметить, что и в других местах документа встречаются формулировки, указывающие на активную роль государства практически во всех процессах.

Отдельного внимания заслуживает подход государственных стратегий России к формулировке основных экономических угроз, так как он довольно показателен.

Так, в «Государственной стратегии экономической безопасности» 1996 г. указаны четыре группы таких угроз:

1. Увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности...
2. Деформированность структуры российской экономики...
3. Возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов...
4. Криминализация общества и хозяйственной деятельности...» (Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, 1996, часть II).

Данный перечень основных угроз экономического характера в последующие годы в целом сохранял концептуальную преемственность документу 1996 г., но за одним исключением, а именно начиная

с 1997 г. Из стратегических документов в сфере национальной безопасности («Концепции национальной безопасности» 1997 г. и «Стратегии национальной безопасности до 2020 года» 2009 г.) исчезает прямая констатация социально-экономической угрозы роста имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности. Косвенно эти угрозы продолжают фигурировать, но прямо как угрозы уровню жизни населения не фигурируют. И только в «Стратегии национальной безопасности» в редакции от 31 декабря 2015 г. эти угрозы снова начинают фигурировать в явном виде: «Угрозами качеству жизни российских граждан являются неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть IV, ст. 51). Так, мы видим, что угроза усиления дифференциации населения по уровню доходов снова называется в явном виде, а вот угроза бедности по-прежнему прямо не указывается, а лишь подразумевается: «Для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества... содействуют росту благосостояния граждан, снижению дифференциации населения по уровню доходов, сокращению бедности, в том числе путем развития пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан, совершенствования системы социального обслуживания» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть IV, ст. 53).

В конце документа приводится следующий список основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности: «...удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах; ожидаемая продолжительность жизни; валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы; доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру; доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2015, часть VI, ст. 115).

Таким образом, в перечне есть показатель, характеризующий уровень имущественного неравенства (децильный коэффициент), но отсутствует показатель, характеризующий уровень бедности как таковой, например доля населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Все это делает «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» в ряде аспектов неоднозначным документом для формулировки четких принципов экономической политики обеспечения безопасности, и на ее фоне документ «Государственная стратегия экономической безопасности» 1996 г. представляется более последовательным и отвечающим современным реалиям экономики.

Подводя общий итог обзору государственных стратегий, можно отметить, что «Стратегии национальной безопасности США» в целом соответствуют теоретическим воззрениям англо-саксонских экономистов, занимавшихся теоретическими вопросами экономической безопасности, так как придерживаются схожих концепций и провозглашают традиционные западные ценности, хотя порой более прямолинейно, чем в научных работах. Кроме того, в результате регулярного обновления данный документ соответствует изменениям общего политического курса США и, пожалуй, действительно, отражает те ориентиры экономической политики, которых на практике придерживается правительство Соединенных Штатов Америки.

Японские государственные концепции экономической безопасности изначально фокусировались на тех узких прикладных задачах, которые диктовались спецификой национальной экономики. Именно поэтому как научные исследования, так и государственные документы были направлены прежде всего на безопасность поставок сырья и ресурсов, жизненно важных для Японии. Однако в конце 1990-х годов ввиду упомянутых выше политических и геополитических событий японская стратегия в сфере экономической безопасности стала копировать американский подход, базирующийся на открытости рынков. В принципе этот подход в целом соответствует интересам Японии, так как сближает их с интересами США и помогает защититься от различных торговых барьеров, которые губительны для высоко интегрированной в мировое хозяйство японской экономики.

Китайская стратегия в сфере экономической безопасности также по значительному числу пунктов совпадает с теоретическими исследованиями местного академического сообщества. Кроме того, в «Белой книге» 2013 г. наметилась тенденция распространения интересов национальной безопасности за пределы КНР, что свидетельствует о росте политических и экономических амбиций китайского руководства.

Российские государственные стратегии национальной безопасности в сфере экономики наименее однозначны и вызывают большее число вопросов.

Во-первых, заметно, что во многом они мало соответствуют исследованиям отечественных экономистов, а значит, готовились в отрыве от экспертного сообщества.

Во-вторых, обновление таких документов осуществляется крайне редко, правда ввиду хронических проблем российской экономики по ряду направлений, что, действительно, может представляться не очень критичным, так как стратегия 1996 г. до сих пор сохраняет актуальность, хотя принималась на три–пять лет.

В-третьих, вызывает немало вопросов адекватность экономическим реалиям спектра формулируемых в них рисков и угроз, а также общая последовательность излагаемых идей, так как в российских документах содержатся параметры, относящиеся к тем показателям экономической безопасности, которые в них в принципе не освещаются, из-за чего вся стратегия утрачивает целостный характер.

5. Итоговые выводы

«Экономическая безопасность» является относительно новым понятием в экономической науке. Этот термин появился лишь в 1934 г.; первые серьезные попытки научного анализа этого явления относятся к 1970-м годам. Официальный статус термин получил лишь в 1985 г., а исследования комплексных систем национальной экономической безопасности появились в российской школе только в середине 1990-х годов. общепризнанного же научного подхода к проблеме до сих пор нет. Кроме того, далеко не все из существующих теоретических подходов к пониманию экономической безопасности применимы в практической деятельности, хотя в сфере государственной экономической политики есть спрос на конкретные решения задач повышения устойчивости и конкурентоспособности национальной хозяйственной системы. Косвенно это подтверждается тем, что главные импульсы развития теории экономической безопасности на протяжении всего XX в. возникали в период экономических кризисов, поэтому на современном этапе, когда мировая экономика в очередной раз входит в зону турбулентности, именно экономическая безопасность может стать источником тех новых решений, которые смогут разрешить возникшие проблемы.

Как показал проведенный в статье анализ научных работ по данной тематике, на современном этапе можно выделить три основные условные научные школы экономической безопасности: англосаксонскую, азиатскую и российскую, отличия которых друг от друга начинаются еще с различающегося понимания предметной области. Обуславливается это как историческими особенностями, так и текущим уровнем развития национальных экономик соответствующих стран. Кроме того, внутри отдельных школ также присутствуют совершенно разные концепции, порой исходящие из противоположных предпосылок. Особенно это характерно для российской

школы, которая объединяет наиболее пестрое собрание теорий и подходов.

Подходы, формулируемые в официальных стратегических документах, связанных с обеспечением безопасности в экономической сфере, также различаются по странам, но в целом здесь заметно примерное соответствие национальным научным школам. Определенное исключение составляют государственные стратегии Российской Федерации, которые отличаются как существенным расхождением с наиболее известными отечественными научными теориями, так и наличием внутренних противоречий.

Подводя итог всей статьи, отметим, что «экономическая безопасность» является новой теоретической категорией, на базе которой пока так и не образовалось общепринятой системы знаний, поэтому объективно пока трудно говорить о ней как о прикладной дисциплине. Более того, возможно, и нет смысла пытаться выделять ее в какой-то специальный подвид экономической политики, наравне с денежно-кредитной, налогово-бюджетной и другими. С точки зрения прикладных задач экономическая безопасность – это особая характеристика состояния любой хозяйственной системы, такая же, как эффективность или оптимальность. У нее есть место во многих дисциплинах – таких как мировая экономика, макроэкономика, экономическая политика, экономика предприятия и других. К экономической безопасности следует подходить именно как к еще одной характеристике экономической системы и учитывать ее при оценке, но не пытаться осуществить искусственное выделение ее в самостоятельное направление практической экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев А.А.** (2011). Анализ подходов к определению понятия «национальная экономическая безопасность» // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. № 6. С. 21–27.
- Абалкин Л.** (1994). Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // *Вопросы экономики*. № 12. С. 4–16.
- Глазьев С.Ю., Локосов В.В.** (2012). Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 22. № 4. С. 22–41.
- Голков А.С.** (2009). Национальная экономическая безопасность и критерии ее оценки // *Арктика: общество и экономика*. № 2. С. 44–48.
- Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации. (1996). [Электронный ресурс] Утверждена Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/23.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2015 г.).

- Доктрины национальной безопасности США, Франции и Японии (2000). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2000/vestniksf117-05/vestniksf117-05030.htm#HL_14, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» с [последними] изменениями от 26 июня 2008 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.garant.ru/10136200/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2016).
- Кашин В.** (2013). Второй мир: «Враждебные западные силы». [Электронный ресурс] // *Ведомости*. Режим доступа: <http://periscope2.ru/2013/04/18/7345/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Козлова А.В.** (2009). Экономическая безопасность как явление и понятие // *Власть*. № 1. С. 14–17.
- Концептуальные подходы к разработке Стратегии экономической безопасности Российской Федерации обсуждены на заседании секции научного совета при Совете безопасности Российской Федерации (2015). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/990.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2016).
- Крутиков Е.** (2015). Китай готовится к Третьей мировой войне. [Электронный ресурс] // *Взгляд*. Режим доступа: <http://vz.ru/world/2015/5/26/747391.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2015 г.).
- Латов Ю.В.** (2006). Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности. Материалы Интернет-конференции «Россия: варианты институционального развития» с 25.10.06 по 15.12.06. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ecssoman.hse.ru/text/16207905/#_ftn10, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Латов Ю.В.** (2007). Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // *Terra Economicus*. Т. 5. № 1. С. 16–27.
- Международная экономическая безопасность (1985). [Электронный ресурс] Резолюции 40 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/40/173>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Проблемы экономической безопасности (1994). [Электронный ресурс] // *Вопросы экономики*. № 12. Режим доступа: http://www.vopreco.ru/gus/archive.files/n12_1994.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 25 январь 2015 г.).
- Сенчагов В.К.** (2008). Методология обеспечения экономической безопасности // *Экономика региона*. № 3. С. 28–39.
- Сенчагов В.К.** (2010). Экономическое обеспечение национальной безопасности // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. № 8. С. 31–41.

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2016 г.).
- Фомин А.М.** (2010). Экономическая безопасность государства // *Международные процессы*. Т. 8. № 3(24). С. 118–133.
- Цейковец Н.В.** (2015). Множественный характер субъектов национальной экономической безопасности. В сб.: «*Экономическая безопасность: государство, регион, предприятие: сборник статей Международной научно-практической конференции*» (г. Барнаул, 8–9 апреля 2015 г.) / Под ред. Э.И. Казитовой, Э.И. Рау, Е.И. Роговского. Алтайский гос. технический ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ. С. 36–41.
- Экономическая безопасность России: Общий курс (2005). В.К. Сенчагов (ред.). М.: Дело.
- Cable V.** (1995). What is International Economic Security? // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944)*. Vol. 71. No. 2. P. 305–324.
- Definition of Security in Oxford Dictionaries (US English) (2012). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://oxforddictionaries.com/definition/american_english/security, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Jiang Y.** (2007a). China Should Guard against Economic Security Loopholes // *China Economist*, iss. 7, 46–47.
- Jiang Y.** (2007b). Economic Security: Redressing Imbalance // *China Security*. Vol. 3. No. 2. P. 66–85.
- Kirshner J.** (1998). Political Economy in Security Studies after the Cold War // *Review of International Political Economy*. Vol. 5. No. 1. P. 64–91.
- Luciani G.** (1988). The Economic Content of Security // *Journal of Public Policy*. Vol. 8. No. 2. P. 151–173.
- May R.S.** (1984). Japan's Economic Security: Resources as a Factor in Foreign Policy // *Economic Journal*. Vol. 94. Issue 375. P. 877.
- Nobutoshi A.** (ed.) (1983). Japan's Economic Security: Resources as a Factor in Foreign Policy. Aldershot: Royal Institute of International Affairs. P. xii, 279.
- National Security Strategy (2015). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: март 2015 г.).
- National Security Strategy (2010). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2015 г.).
- Schultze Ch.L.** (1973). The Economic Content of National Security Policy // *Foreign Affairs*. Vol. 51. No. 3. P. 522–540.
- Social Security History (Reports & Studies) (2015). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ssa.gov/history/reports/ces/cesbasic.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2015 г.).
- The National Security Strategy of the United States of America (2006). [Электронный

ресурс] Режим доступа: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 25.01.2015).

Time to Revise Old Ideas of Economic Security (2008). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nigeria2.mofcom.gov.cn/article/chinanews/200807/20080705638641.shtml>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2015 г.).

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Abalkin L.** (1994). Russia's Economic Security: Threats and their Reflection. *Voprosy Ekonomiki* 12, 4–16 (in Russian).
- Ananov A.A.** (2011). Evaluation of Definition Approaches of the National Economic Security Concept. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta* 6, 21–27 (in Russian).
- Cable V.** (1995). What is International Economic Security? *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944)* 71, 2, 305–324.
- Definition of Security in Oxford Dictionaries (US English) (2012). Available at: http://oxforddictionaries.com/definition/american_english/security (accessed: January 2015).
- Economic Security of Russia: General Course (2005). V.K. Senchagov (ed.). Moscow: Delo (in Russian).
- Fomin A.M.** (2010). Economic Security of the State. *International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]* 8, 3(24), 118–133 (in Russian).
- Glazov S.Yu., Lokosov V.V.** (2012). Assessment of the Critical Threshold Values of the Indicators of the State of Russian Society and their Use in the Socio-Economic Development Management. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 22, 4, 22–41 (in Russian).
- Golkov A.S.** (2009). National Economic Security and Criteria of Its Estimation. *Arktika: obshchestvo i ekonomika* 2, 44–48 (in Russian).
- Gosudarstvennaya strategiya èkonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii (1996). Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 29 aprelya 1996 g. № 608. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/23.html> (accessed: January 2015, in Russian).
- International Economic Security (1985). Resolution of the 40th session of the UN General Assembly. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/40/173> (accessed: January 2015, in Russian).
- Jiang Y.** (2007a). China Should Guard against Economic Security Loopholes. *China Economist* 7, 46–47.
- Jiang Y.** (2007b). Economic Security: Redressing Imbalance. *China Security* 3, 2, 66–85.
- Kashin V.** (2013). Second world: “hostile western forces”. *Vedomosti*. Available at: <http://periscope2.ru/2013/04/18/7345/> (accessed: January 2015, in Russian).
- Kirshner J.** (1998). Political Economy in Security Studies after the Cold War. *Review of International Political Economy* 5, 1, 64–91.

- Kontseptualnie podhodi k razrabotke strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii obsuzhdeni na zasedanii seksii nauchnogo soveta pri Sovete Bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/news/990.html> (accessed: January 2015, in Russian).
- Kozlova A.V.** (2009). Economic Security as Phenomenon and Concept. *Vlast'* 1, 14–17 (in Russian).
- Krutikov E.** (2015). China is Preparing for a Third World War. *Vzglyad*. Available at: <http://vz.ru/world/2015/5/26/747391.html> (accessed: May 2015, in Russian).
- Latov Yu.V.** (2006). Russian Shadow Economy in Context of National Economic Security. Internet conference "Russia: ways of institutional developments" materials from 25.10.2006 till 15.12.2006. Available at: http://ecsocman.hse.ru/text/16207905/#_ftn10 (accessed: January 2015, in Russian).
- Latov Yu.V.** (2007). Russian Shadow Economy in Context of National Economic Security. *Terra Economicus* 5, 1, 16–27.
- Luciani G.** (1988). The Economic Content of Security. *Journal of Public Policy* 8, 2, 151–173.
- May R.S.** (1984). Japan's Economic Security: Resources as a Factor in Foreign Policy. *Economic Journal* 94, 375, 877.
- National Security Doctrines of the USA, France and Japan (2000). Available at: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2000/vestniksf117-05/vestniksf117-05030.htm#HL_14 (accessed: January 2015, in Russian).
- National Security Strategy (2010). Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> (accessed: January 2015).
- National Security Strategy (2015). Available at: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (accessed: March 2015).
- Nobutoshi A.** (ed.) (1983). Japan's Economic Security: Resources as a Factor in Foreign Policy. Aldershot: Gower for the Royal Institute of International Affairs, xii, 279.
- Problems of Economic Security (1994). *Voprosy Ekonomiki* 12. Available at: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n12_1994.html (accessed: January 2015, in Russian).
- Schultze Ch.L.** (1973). The Economic Content of National Security Policy. *Foreign Affairs* 51, 3, 522–540.
- Senchagov V.K.** (2008). Methodology of Maintenance of the Economic Security. *Ekonomika regiona* 3, 28–39 (in Russian).
- Senchagov V.K.** (2010). Economic Provision of National Security. *Vestnik Akademii Ekonomicheskoy Bezopasnosti MVD Rossii* 8, 31–41 (in Russian).
- Social Security History (Reports & Studies) (2015). Available at: <http://ssa.gov/history/reports/ces/cesbasic.html> (accessed: January 2015).
- Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (2015). Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html> (accessed: January 2016, in Russian).

- The National Security Strategy of the United States of America (2006). Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (accessed: January 2015).
- Time to Revise Old Ideas of Economic Security (2008). Available at: <http://nigeria2.mofcom.gov.cn/article/chinanews/200807/20080705638641.shtml> (accessed: January 2015).
- Tseykovets N.V.** (2015). Multiple Nature Subjects of National Economic Security. *Ekonomicheskaya Bezopasnost: Gosudarstvo, Region, Predpriyatie: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (g. Barnaul, 8–9 aprelya 2015 g.). E.I. Kazitovoy, E.I. Rau, E.I. Rogovskogo (eds.). Altayskiy gos. tehnicheskiy un-t im. I.I. Polzunova. Barnaul: AltGTU, 36–41 (in Russian).
- Zakon RF ot 5 marta 1992 g. № 2446-I «O bezopasnosti» s [poslednimi] izmeneniyami ot 26 iyunya 2008 g. Available at: <http://base.garant.ru/10136200/> (accessed: January 2016, in Russian).

Поступила в редакцию 26 апреля 2015 года

N.V. Tseykovets

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Conceptual Approaches to Understanding and Ensuring National Economic Security: Scientific Theories and State Strategies

The author investigates the emergence and development of the economic security concept. He gives an overview of the main conceptual approaches to national economic security typical for the United States, Japan, China and Russia. The article introduces the concept of the homocentric and civitacentric paradigms to describe two fundamentally opposing approaches to national economic security. The analysis is carried out for scientific theories and state strategies. This allows to trace parallels and find contradictions between them. The paper shows the evolutionary path of the theories of economic security and identifies key factors that influenced the research in this area. The study reveals a number of internal contradictions in the official state strategies relating to economic aspects of national security. The result of the study is to develop a holistic view of the prevailing conceptual approaches to national economic security. This is important in the further development of optimal models of its ensuring in different socio-economic and political conditions. The results can be used for further scientific analysis of the theoretical foundation of ensuring economic security.

Keywords: *economic security, national security, economics, state strategy, military expenditure, safety, stability, competitiveness.*

JEL Classification: A100, B000, F52, N40.